

БИБЛИОТЕКА

№ 1

1971

Степан ШИПАЧЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ДОБРЫЙ ДЕНЬ!

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 1

Степан ЩИПАЧЕВ

ДОБРЫЙ ДЕНЬ!

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1971

Степан ЩИПАЧЕВ

Степан Петрович Щипачев родился в 1899 году в деревне Щипачи, Камышловского (теперь Богдановичского) района, Свердловской области. Самостоятельную трудовую жизнь начал лет с восьми: батрачил, работал на асбестовых приисках. С 1919 до 1930 года служил в рядах Красной Армии: красноармейцем, курсантом кавалерийской школы, политработником. В 1919 году вступил в партию.

Во время Великой Отечественной войны Степан Щипачев работал военным корреспондентом. Награжден многими орденами и медалями. Дважды лауреат Государственной премии.

Писать стихи начал, еще будучи в деревне. Во время гражданской войны несколько его стихотворений были напечатаны в листовках, которые сбрасывались над окопами белых. В столичных журналах печатается с 1926 года. Из многих его стихотворных сборников наиболее популярный «Строки любви», многократно переиздававшийся в нашей стране и в других странах. В минувшем году издательство «Художественная литература» выпустило второе, дополненное двухтомное издание его стихотворений, поэм и прозы.

1. ИЗ ДНЕВНИКА

ДЕНЬ ОСЕННИЙ

Я сознаю, для дневника
давно упущены те строки,
когда, легко слагая строки,
я знал: дорога далека.
А что теперь? Хотя и начат
дневник и он писать велит,
о чем писать? Сажу на даче.
Дожди. Клянусь радикулит.
Свернулся пес у ног. Мы оба
состарились. Мелькают дни.
На переделкинские тропы
я все Америки сменил.
А впрочем, не хочу про это!
К чертям! О старости скулить
хватает без меня поэтов.
Мне с ними лавры не делить.
Я не бодрюсь, когда с разбега
пролеты лестниц не беру,
но в славе и тревогах века
всю душу отдаю перу.

Жена еще полуодета.
Шаги по комнате легки.
Над «Медицинскою газетой»
стола коснулись локотки.
В больнице тихие палаты
и кабинет ее пустой,
где дышит чистота халата
подснежниковой чистотой.

Дверной звонок. Такой-то ранью?
Спускаюсь в тапках на крыльцо.
Лицом к лицу со мною пьяный,
дух перегара бьет в лицо.

«Я, гражданин, не здешний житель.
В дороге,— он махнул рукой,—
обворовали... Поддержите.
Верну, как штык... Я не такой...»
Нам жизнь иною мерой мерить,
не по старинным временам:
когда не будем людям верить,
им трудно будет верить нам.
Но тут я не поверил все же!
Стою, в упор гляжу в глаза.
Он повернулся и, поежась,
такое что-то мне сказал,
чего б, наверно, и Есенин
на точки заменил в строке.
Калитка настезь. Дождь осенний
пылит в нагом березняке.

Сажусь за стол, блокнот листаю.
Передо мною письма стаей,
утыканные штемпелями,
морями пахнут и полями.
Но вот пакет лежит. Вскрываю,
вернее, рву наискосок.
Опять стихи... (Порой бывают
поэмы тысяч в девять строк.)
Стихи! Кто их теперь не пишет!
Хоть издаваться нелегко,
наверное, полсотни книжек
выходит в день, а сколько в год?
Да я и сам, пора признаться,
хоть есть ли в том моя вина,
от них не в силах оторваться,
как алкоголик от вина.

Еще о почте. Не в отраде
я от прочитанных тетрадей.
Беру листок. На нем сонет.
Все то же — божьей искры нет.
И вдруг... Весной пахнула осень,
и дрогнул карандаш в руке.
«На паутинках между сосен
спит месяц, словно в гамаке».

Всего две строчки, но они
все остальное оттеснили
и как-то враз меня сроднили
с собою в пасмурные дни.
Чего б в расчет ни принималось,
хочу судить без закавык.
Чужой удаче, даже малой,
я радоваться не отвык.

Иные к ямбу стали строже,
бранят: зализан-де, запет.
Я сам хулил его, и что же:
сломал ли кто ему хребет?
И в нашем веке он послужит
не раз упругою строкой.
«В избушке мать над сыном тужит»,
найди-ка тут размер другой.
Хоть не скрываю, не скрываю,
что мне — я прям перед собой —
мила раскованность живая
стиха бесстрашный перебой.

Обычна жизнь под тихим кровом.
Поля, леса не просят виз.
Меж сосен телефонный провод
намок и чуточку провис.
Звонить пытаюсь.
Мир огромный,
его любой меридиан
в мембране трубки телефонной,
как в раковине океан.
Над столиком склоняюсь низко,
то добродушен, то сердит,
а где-то там телефонистка
в короткой юбочке сидит.
Она не ангельского сана,
сидит без крылышек, проста,
но неприступно «город занят»
твердят небесные уста.

На стеклах мутные потеки
дождя, но в комнате светло,

как будто небо протекло
в невидимые поры стекол.
В обычный этот день земной
легко мне — отчего, не знаю.
Сижу, все грозы вспоминаю,
что отсияли надо мной,
тропинки все, дорожный ветер,
поля, где больше не бродить.
Какое счастье жить на свете
и даже душу беречь...

Слова легко ложатся в песню,
и все же чувствую: не те.
Не солнца — золотые перстни
теряла вечность в темноте,
теряла, чтобы обручались
планеты с жизнью, чтобы мы
могли родиться, дни встречали,
как дети света, а не тьмы.
О наша милая планета!
Лесами, травами нежна,
горячим солнышком согрета
и грозами орошена.
Взгрустнет и пожалеет каждый,
на снимки странные взглянув,
окаменевшую от жажды,
нам близкой ставшую луну.
Она пустынна, только тени
кладут сухую черноту...
Всегда ль достаточно мы ценим
Земли живую красоту?
Живую: в тополиной дрожи,
в пыли цветка, в крутой росе,
неповторимую, быть может,
не где-то — во Вселенной всей.

Уже за полдень. У крыльца
роняет солнечные листья
широкий клен. Все так же мгليсто,
и мелкий дождик без конца.
Но вдруг, откинув капюшоны,
в калитку — люди. Все идут,
толпятся у крылечка, ждут,

и вот я с ними. Окруженный,
снимаю кепку. Их глаза
тепло встречаются с моими.
Мое им нашептала имя
не ты ли, осени краса,
что и в дождях не перестала
пылать багрянцем и, тиха,
вливаешь в душу не усталость,
а радость тихую стиха.
На этом и кончаю день,
да вот и сумерки мутнеют.
Листву шершавую задень —
земля еще суха под нею.

ДЕНЬ ЗИМНИЙ

Не ставлю месяца, числа.
День тронут дымной поволокой.
Его, чтоб он сверкал у окон,
в ладонях вечность принесла.
Я встал сегодня спозаранок
(и так бывает иногда).
Стремится в пригоршни из крана
благословенная вода.
Я фыркаю, склоняюсь низко.
Струя студеная туга,
и в белой раковине брызги,
как перламутр, как жемчуга.
А на дворе
ночного снега
нетронутая белизна,
где даже пес еще не бегал
с нуждой собачьей после сна.

Схожу с крыльца.
Сарай. Лопата
работы, рук надежных ждет.
Передо мной сугроб горбатый.
Поземка жесткая метет.
Здоровье — это ль не награда!
Пускай проходят годы, дни,
о нем спохватываться надо

не в поликлиниках одних
и не тогда... А было былью:
лопату крепко я держал,
и у сугроба снежной пылью
мне ветер щеки остужал.
Стою. За лесом гулкий поезд
ведет сюжет издалека,
а переделкинская повесть
еще не начата пока.
Где мы сейчас по тропкам ходим,
ходили — не забыть примет —
Фадеев, Луговской, Погодин,
Сельвинский, Пастернак, Хикмет.
Нас о Чуковском кто-то спросит,
дорожным горбясь рюкзаком.
Старик и в восемьдесят восемь
нам не казался стариком.

Сыпучий снег летит на плечи,
над головою сучья гнет.
Опять завьюжило.

Навстречу —
знакомый.
Крепко руку жмет.
Заговорил. Хотя и смутна,
но в чем-то мысль его верна.
Он с первой фразы почему-то
заговорил об орденах.
«...Уж тут-то бы не «Знак Почета»,
могли бы и побольше дать».
О ком знакомый мой печется,
нетрудно было угадать.
Но я молчу. Что скажешь тут?
Меня коснется или друга...
Уж лучше пусть недодадут,
чем лишнее не по заслугам.

Сажусь работать. В папке тощей
стихов наброски. Пусть не впрок,
склоняюсь над хаосом строчек,
листаю за листком листок.
Наброски.
Долгий и недолгий

лежать им в папке
выпал срок.
Есть в космосе планет осколки,
а тут осколки строф и строк.
Забытая,
из дальних дней
дошла любви моей страница,
уж поистерлась, но хранится
четверостишие на ней.
«Считай, полжизни впереди.
Два голубка твоей груди
теплы. Из них любой утонет
доверчиво в моей ладони».
Иное
на другом листке.
Читаю. Он дрожит в руке.
«Лобастым химикам велят
искать такой в природе вирус,
чтоб паралитиком притихнуть миру,
кому-то радуя преступный взгляд».

Отрывочные эти строки
я перечел не раз, не два.
Когда-то голосом тревоги
я выкричал для них слова.
Я жизнь свою почти что прожил,
и что мне страх? Я за друзей,
за человечество тревожусь,
за красоту планеты всей.

Листаю дальше.
Вот и эти
наброски свежие пера.
Их можно ль было не заметить!
С утра до вечера вчера
на часовом заводе пробыл,
где что ни цех, то светлый зал.
И вот стихи: обычной пробы,
но я их там же набросал.
«Часы. Кому б их ни носить,
о нем забота на заводе.
Земля на правильной оси,
точна. Часы по ней заводят.

Ты к ним приценишься.

Уплатишь.

Таким ходить не как-нибудь,
а стрелками на циферблате
по пятилеткам мерить путь».

Еще листаю. Не богаты
запасники стихов моих.
Под строчками мелькают даты,
хоть я не всюду ставил их.
А на дворе опять клубится
метель. Нависла полутьма.
Простоволоса, белолица,
меж сосен мечется зима.

Дверной звонок... Скрипят ступени.
Спешу. Скоба вместилась в горсть.
Доброжелательный, степенный,
хваля метель, поднялся гость.
Он говорит о непогоде,
еще той свежестью дыша.
«Январь без вьюг — на что он годен,—
сказал, разматывая шарф.
Он сел.— Я на минутку. Дома
опять неладно...— Он примолк
и протянул мне красный томик.—
Давно хотел, да все не мог».
Я знаю этого поэта
с той самой главной стороны:
его стихи, его анкета
насквозь войной прокалены.
В них соль осталась

крови,

пота.

В них все еще не молкнет фронт.
Политработа как работа
была нелегкой — знает он.
Не зря порой из прозы грубой —
такое надо понимать —
он строки, как из камня, рубит,
чтоб обелиски поднимать.

Мы засиделись все ж. На многом
горячих слов пытаем власть.

К людским сердцам, к людским дорогам
обоим хочется припасть.
А на дворе метель клубится.
Стоит все та же полутьма.
Простоволоса, белолица,
меж сосен мечется зима.

ДЕНЬ ВЕСЕННИЙ

Березы на ветру
нагие,
но явно этой стороной,
где обозначена Россия,
кренится к солнцу шар земной.
Иду.

Штакетник и заборы.
В ветвях весенних птиц возня.
За желтой дачей грядка бора,
за серой — мелкий березняк.
Апрель работает не слепо.
В глазах синё. Он смастерил
сосульки из воды и неба,
их тронув отсветом зари.
Они еще не всюду сбиты —
под ними вешняя земля,—
свисают с крыш, как сталактиты,
ударь — и груда хрустала.
Все жестче лязз лопаты слышен,
Как ежегодно по весне,
за красненькую с нашей крыши
сегодня сбрасывают снег.
Он затвердел. Но по железу
ударят крепко, и тогда
он шумно рушится... За лесом
не умолкают поезда.
Я к ним привык, и все ж порою
прислушаешься, и в ответ
воображения игрою
уносишься за ними вслед.
Есть дымы дальних городов
и поднебесных кедров кроны,
и расписанья поездов
капелью пахнут на перронах.

Стоит в окне голубизна.
Ковшами солнце пьет весна.
А дням пришло торопиться
туда, где синих туч града.
Туда, в чужие города,
по желто-красным черепицам
сбегает мирная вода.
Но дни — людским тревогам вровень —
врываються в мою строку,
закатами краснее крови
по Черной Африке текут.
Америка, и ты встречаешь
весну. Она шумит и там,
но не от белых крыльев чаек
ложатся тени на Вьетнам.

Сегодня пишется. А время,
когда работаешь, не дремлет,
секундной стрелкою бежит,
стирая весен рубежи.
Его строкой едва ль обгонишь.
Во всем свое возьмет оно.
Роняя тень на подоконник,
уж вечер смотрится в окно.
Я спохватился. Мне же надо...
На эту встречу друг просил.
Оделся быстро. За оградой
поймал случайное такси.
А вечер все синей, все звездней.
Мотор взревел. По сторонам
березы белые и сосны
шарахнулись навстречу нам.
Уж подмерзает, и дорога
ледком белеет на ветру.
Шофер, видать, лихач немного,
к тому ж еще и говорун.
Таксистов много настоящих,
блюдящих рядность, интервал,
неразговорчивых... Но чаще
я разговорчивых знавал.
Такие города и веси
окинут сквозь табачный дым.
О чем по радио известья
молчат еще — известно им.

Они намеками расспросят,
чтоб где-то множить пересуд:
от этих тропок, дачных просек
не Шолохова ли везут?
Но мой таксист не тем доволен,
в его словах такого нет.
Он с пассажиром в разговоре
ворочает шары планет.
Живут ли там зверье и люди,
какой внутри планет металл?
Ледок на лужах, как на блюде,
под светом фар приметней стал.
Мне любопытен этот парень,
раз о таком судить горазд.
А по шоссе машина шпарит,
то и гляди, махнет на Марс.
Ей непривычна серединка —
летит на крайних скоростях,
и под колесами не льдинки —
как бы осколки звезд хрустят.

В гостях у нас
вьетнамцы.
С ними

сидели долго в ЦДЛ¹.
Я рад. С ребятами такими
я расставаться б не хотел.
Позвали в кинозал. С экрана,
крича через моря и страны,
в крови, в золе тянулся к нам
ручонками детей Вьетнам.
Домой вернулся очень поздно,
часу, наверно, во втором.
Я не забуду эту звездность
апрельской ночи над двором.
Скрипит крыльцо. Вот я и дома.
Гляжу на окна. Свет горит.
Жене про парня-астронома,
решил, не буду говорить.
Да умолчу и про второго,
что гнал на тех же скоростях.

¹ Центральный Дом литераторов.

Стою. Мне целый мир дарован,
а это вовсе не пустяк.
Звоню. Жена спешит в тревоге.
Халат, увидел я, вразлет.
«Уж не случилось ли в дороге
чего-нибудь? Ведь гололед».
«Шофер не гнал,— я говорю,—
был всю дорогу осторожен».
Жена поверила, похоже,
но я в глаза ей не смотрю.

ДЕНЬ ЛЕТНИЙ

Еще не завтракал.
Писалось.
Не знаю, так ли хороша,
а с кончика карандаша
строка к строке
сама бросалась.
Пускай в одном размере строфы,
пускай, лишь плавно б речь текла.
Они, как полевые тропы,
где солнечная полумгла,
где все — и четверги, и среды,
и прочие теснятся дни.
Раздумий беглые заметы
перебираю. Вот они.
Россия за века привыкла
к штормам двенадцати морей
и, знамя трудовое выткав,
пошла под ним лицом к заре.
Я вижу лет минувших чащи
и к будущему перевал...
Строфе распатанной все чаще
я предпочтенье отдавал.
Но как-то вышло:
глянул —
снова
привычно тянет лемеха
к знакомой пахоте стиха,
добро — стиха не прописного.

Иду.
Прогулка много значит,
когда несешь бессменный труд.
Минул погодинскую дачу,
а там — плотина, сонный пруд.
Сияет молодое лето
со знаком солнца на челе.
Проходят дни за днями следом.
Пройдет и этот в том числе.
Но он в росе еще: не допил
ее с тычинок, лепестков.
Пусть кто-то этот день торопит,
взбираться солнцу нелегко.
Оно, лучами все заполнив,
по круче неба золотой
взберется, знаю, только в полдень
к сверкающей вершине той,
где дух переведет немного —
хоть от жары в глазах красно —
и дальше
хоженой дорогой
пойдет светить.
Для всех одно.
О солнце! Тронь мои седины
с той неподкупной высоты!
Народы все семьей единой —
завидую! — увидишь ты.

Сегодня людно. Воскресенье
уже вошло в свои права.
Плотину многоглавой тенью
пересекают деревья.
Склонились вербы. Дальше клены,
да и дубы теснятся в ряд,
а между ними просветленно
на воду домики глядят.
Напротив — пляж, вернее, пляжик.
Там женский визг и плеск воды.
Воображение доскажет,
какие на песке следы.
Святое лета откровенье,
его истома сладкий плен,
где мини-юбочки в мгновенье
спадают с девичьих колен.

Деревня. Пыльная дорога
уводит к лесу прямоком
той улочкою неширокой,
где каждый домик мне знаком,
где на меня и псы не лают,
труся немножко стороной,
а если лают, то желают
побыть в компании со мной.
Один несмело позади
с подбитой лапой ковыляет,
похоже, из породы лаек
с подпалинкою на груди.
В моих глазах теплеет жалость,
и с лаской тянется рука,
чтоб им от радости визжалось,
а не от палки и пинка.

Все лес и лес.
Вдыхаю свежесть,
понять пытаюсь тишину.
Местами лес уже разрежен,
местами вводит в гущину,
где пресновата, сладковата
земли грибная духота.
То снова — сосны в два обхвата,
то снова — елей теснота,
что не таят свои приметы:
зелено-темные на вид,
они похожи на ракеты,
нацелившиеся в зенит.
Вдруг донесется издалика
гармошки всхлип и голоса.
Дышу свободно, воздух легок.
Куда иду — не знаю сам.
Есть в шишках солнечная сухость.
Я поднял, разломил одну.
Чуть-чуть доносится до слуха,
как будто трогают струну.
То чуткий ветер ходит в соснах,
перебирая их едва.
Он слышен мне, но не осознан.

И вдруг...
Саднят в груди слова.

Как возмущаться тут не станешь!
Где целый мир сверкал в росе,
лежат консервные жестянки,
клочки засаленных газет,
бутылки, головы селедок.
Похоже, тут в полдненный зной,
кто на подъем бывает легок,
сидел с дружками в выходной.
До злости больно за природу.
Кричу в стихах. Но что стихи!
Проймешь ли ими тех уродов,
что к красоте земной глухи.
А красота — она наивна.
И можно ли —

в лугах, в лесах —

вот так ее.

Она под ливнем,
как женское лицо в слезах.
Пускай на всех меридианах
росинкой каждую с куста
и каждой каплей океана
сияет людям чистота.

Несчетно в мире мест нездешних.
Поди узнай, где их конец.
Почтовый ящик, как скворечник,
хранит тепло людских сердец.
Все знают почтальона Лиду.
Как ни увидишь, все спешит.
Вот и сегодня у калиток
велосипед ее шуршит.

Мне пишут школьники.
В Асбесте¹
меня считают земляком.
Там трубы прямо в поднебесье
курят чуть видимым дымком.

Письмо прочел. Конверт потрогал.
Взглянул в окно на свой забор.

¹ Город в Зауралье.

Пылит нагретая дорога,
моя соседка с давних пор.
Она березам белотелым
соляркой черною чадит,
раскрытых окон не щадит.
Соседства лучшего б хотелось.
Но это к слову. Что об этом!
Не для того пишу дневник...
Тянусь к сегодняшним газетам.
Глазами к полосе приник.
Скользнул по рубрике
последних
событий прожитого дня,
но от забот

колхозных

летних

они не отвлекли меня.
Уж между строчек ходят тени,
и не поднять от них лица.
Плывет на зное ржи цветенье,
его душистая пыльца.
Волнами катится пшеница,
под теплым ветром шелестит.
Она еще не золотится —
ее июль позолотит.
Там будет все в свой срок не крайний:
и над хлебами облака
и краснобокие комбайны
из голубого далека.
Еще не стал русоволосым
чуть оперившийся овес.
Не у него ль, как в горле слезы,
роса студеная от звезд.
И кукурузе не годится
робеть: пусть в полный рост встает,
чтоб можно было заблудиться
в зеленых сумерках ее.
В траве цикады, как в припадке.
Звенит и воздух и трава.
Стручки гороха — их лопатки —
еще наметились едва.
Сады сосут земные соки,
и соки солнца пьют они...
Газетные сухие строки,
не скрою, сердцу не сродни.

И я порой хую газеты,
да их и есть за что хулить.
Сегодня ж говорю: не сетуй!
С них веет аромат земли.

Вошла жена. На стол накрыли.
Зевнула дверь. Мелькнул порог...
Поэзия имеет крылья,
и я ишу крылатых строк.
Мне душу дни не обокрали.
Слова не меркнут на губах.
Опять родное Зауралье
меня зовет бродить в хлебах.

Переделкино
1969 — 1970 гг.

2. ИЗ КНИГИ «СЛУШАЮ ВРЕМЯ»

О РОДИНЕ ДУМАЮ

Круженье, круженье!
Земля вокруг солнца —
на ниточке притяженья.
Сучило ту ниточку
солнце,
ладони его,
и ниточки той
нет надежнее ничего.
Но если порвется —
остынет
лицо Земли —
жаркие щеки пустыней.
Круженье, миров круженье...
О Родине думаю я,
о ее притяженье.

16 апреля 1969

ПЕРВЫЕ КАПЛИ

Земля истомилась.
Сухая.
Все ближе, все ближе
гроза полыхает,
над полем, над лесом нависла,
вся в молниях белых ветвистых.
Тут нечего спрашивать:
так ли, не так ли?
Студеные крупные
падают капли.
На них тракторист
из кабины взглянул,
светлея лицом,
к ним ладонь протянул.

И если бы капли
сумели промолвить,
услышал бы он:
«Мы оттуда, от молний.
Нас первыми там
уронила над кручей
из пригоршни полной
студеная туча».

23 апреля 1969

СНЫ

Снились мне косы в размахе.
Это — совсем еще юн —
в ситцевой красной рубаше
в травы выходит июнь.

Руки еще не устали.
В травах ныряла коса...
Снились мне синие дали,
в дымке лиловой леса.

Снились и белые церкви
с детства в знакомых местах.
Зори вечерние меркли
на золоченых крестах.

Где-то далеко, далеко
девушка в мире росла,
та, что походкою легкой
в сны мои после вошла.

Тропка вилась в краснотале,
к речке вела от избы.
Сны у порога топтались
жизни моей и судьбы.

Нынче — за датами даты —
снятся мне дали веков,
красные кони закатов
с красных материков.

Апрель 1969

ГИМН ПШЕНИЦЕ

А небо
с июльской золотинкой.
Пшеница смыкается над тропинкой
и шепчет о чем-то, касаясь плеч:
боится, должно быть, под ливнем лечь.
Усатый ячмень и овес светло-русый
с ней рядом, с ней рядом и кукуруза
и рожь, но вовеки не затемнится
меж ними славой своей пшеница.
Зарницы, но это совсем не зарницы —
знамена свои поднимает пшеница.
Она города широко обступила,
заводы до самых оград затопила.
Она и на тропках к Полярному кругу
кому-то шершаво потрогает руку.
До лета короткого нету ей дела,
стоит, хоть от заморозков поседела.
Ее в элеваторные закрома
ждет осень, чтоб радость входила в дома
с загаром, с румянцем во всю щеку
и зернами слов ложилась в строку.

1969

РАСТИ СКОРЕЕ, ДЕТВОРА!

По всей округе ливни льют,
веревки из дождинок вьют.

Попробуй, пусть промокнешь весь,
тут дело все в сноровке,
до молний огненных долезть
по дождевой веревке,
где холодом сырая тьма
повеет по ресницам,
где ездят светлые грома
в злаченных колесницах.
И, может быть, ты будешь рад...
Но омрачится радость:
там холод отливает град,
что будет с ливнем падать.
Пахнёт в лицо тебе зимой
от белых тех кругляшек,

и колос, что стоял прямой,
ничком на землю ляжет.
Не станем ждать — пришла пора
и с этим делать что-то.
Расти скорее, детвора,
вас всюду ждет работа!
Вас ждет Советская страна,
в заботе сдвинув брови,
и не для вас ли ордена
уже сейчас готовит.

24 апреля 1969

РЖЕТ ЖЕРЕБЕНОК

На плато
в травяных лугах
ржет жеребенок,
быстрый, на длинных ногах.

Ноздри трепещут,
от ржания сладко до дрожи.
Ветер
гривку
ерошит.

Подъехал табунщик,
руку не снял с луки.
Он любит,
как ржут стригунки.

Солнце ушло за горы,
к вечеру устает.
Ржет жеребенок,
воздух ноздрями пьет.

Нет дела ему,
что родился он в веке моторов,
что кони в диковину будут скоро,
ржет,
и заря из прохлады теснин
перекликается с ним.

10 — 11 марта 1969

В БОРУ

Ушли, затерялись в бору,
где бродят — не знают сами.
Лишь сосны под небесами
чуть слышно шумят на ветру.

Дом отдыха в Подмосковье,
в красивом приволье своем,
их в первый же день познакомил
для долгих прогулок вдвоем.

Ей трудно: валежник да корни,
а туфли немножко тесны.
В ее волосах непокорных
застряли иголки сосны.

Устали. Истома в теле.
Где сосны дремотно тихи,
глухая поляна постелет
сухие и мягкие мхи.

Июль 1965

РЫЖАЯ

Есть что-то от лунного света в блондинке.
А эта не солнечных ли кровей?
В глазах ее прыгают золотинки
из-под бровей.

А брови —
шершавые два колоска.
Колечки волос
у виска.

Обжег наготу холодок простыней.
Подушка примята, торчит углами.
На белой, еще не согретой, на ней
волос расплескавшихся пламя.

Июль 1967

ЖЕНЩИНЫ И ЦВЕТЫ

Женщины и цветы.
Этим словам на губах не меркнуть.
Как ни привычны, как ни просты,
к ним подбираем особую мерку.

Этим словам
лечь строкой к строке
рифмой то смежной, то перекрестной,
словно щекою к женской щеке,
словно губами к ромашке росной.

Эти слова будут вечно живы,
вечно прекрасны... Ах, если б не знать
женщин корыстных и лживых,
сорной травы не знать!

20 октября 1967

О ТЕБЕ

В. Н.

Ты не из слабых вовсе,
и все же в руках немота
от стирок и от авосек...
Уборка. Пышет плита.

Двое ребятишек.
От мужа не жди тепла.
Стала характером тише,
а веселой была.

С работы придешь — не прической
занята будешь ты:
в воде холодной и жесткой
пальцы — до ломоты.

Есть выходные. Знаешь —
в календаре они.
Ты же как заводная
и в выходные дни.

Твои красивые ноги
в очередях устают.
Тридцать тебе с немногим,
а сорок дают.

Быт. Он бездушен часто,
и ноша его нелегка,
а женское счастье —
как стебелек цветка.

Думать об этом грустно.
От чада на кухне мгла.
Прядку волос темно-русых
рукою от глаз отвела.

На табуретках корыто,
стирка опять до полдня.

Глядят с иностранных открыток
красавицы на меня.
Сняты то сидя, то стоя.
Прически — волной.
Они для меня не стоят
улыбки твоей одной.

Март 1969

СЕРДИТЫЕ СТРОЧКИ

Порою досада душит.
Так много стихов у нас
холодных и равнодушных,
как ветром укатанный наст.

Любовь. Я гляжу ей в очи.
Мне жалко ее чистоты,
когда про нее бормочут
рассудочно до тошноты.

А эти с развязностью броской
сплетают на том голоса,
что только церквушка с березкой
и есть всей России краса.

Тот сложен, умен, возможно.
Смягчится тут голос мой.
Была б только эта сложность
не ради себя самой.

Российской поэзии почерк
мне мил не словесной игрой,
а тем, как горячую строчку
по белому пишут зарей.

Иному поэту двери
распахнуты в мастерство,
вот только я не уверен,
что сердце есть у него.

Стихи мастерит навалом
и множит спокойно листаж,
а Лермонтов — так бывало —
на строчках ломал карандаш.

Читаю иного — ровен,
размерен с любой стороны,
а материки
от крови
черны.

28 — 29 июня 1969

ОБРАЩЕНИЕ К ВРЕМЕНИ

Ах, время, помедли, помедли!
Я знаю, куда я влеком,
а ты вокруг солнца петли
кладешь и кладешь венком.

Не счесть на Земле рассветов,
закатов, что будут на ней...
Ах, время! Дай мудрых советов
и неторопливых дней!

8 — 9 марта 1969

ЗАСТОЛЬЕ

Вино прольется — не жалей.
Сегодня я справляю юбилей.

Неприглашенные пусть извинят.
Протягиваю руку им.
Нежнее хрустала звенят
серебряные чаши зим.

Не молкнут, как заведено,
и тосты, но не в пошлом тоне...
Уже распахнуто окно —
Вселенная как на ладони.

Шел месяц в голубом долу,
шел и светил на всю округу.
Как не позвать его к столу,
не протянуть такому руку!

Мы во хмелю, но мыслим зрело,
что здраво — здоровым признаем.
Не из «летающих тарелок»
закуску вилками берем.

Не прерывая разговора,
я от стола в конце концов
не только своего боксера —
не отогнал и «Гончих псов».

Коперник трогает рукою
скатерку, бровью шевеля.
Он нездоров, но он спокоен:
он знает, вертится Земля.

Ньютон сидит, почти что трезвый,
душистое, еще в росе,
он хочет яблоко разрезать
то самое, что знают все.

Пришло немало и поэтов,
Хоть комната моя не зал.
Меж ними Пушкин... Он про это
куда б забавней написал.

Вы скажете: «Свои седины
срамишь. Гостей со всей Земли
наприглашал, чтоб чаши сдвинуть
с тобой великие могли.

Тщеславие!»

Нет, все само
сложилось так, прошу поверить.
Ведь переплеты их томов
для них не запертые двери.

Да и лежал их путь недолог,
что страны им, что города,
когда с библиотечных полок
им пять шагов пройти сюда.

А впрочем, все не так. Отвечу
на ваш возможный пересуд:
им трезвостью своею вечность
поднадоела — вот в чем суть.

Декабрь 1968

ВЫСОТА

Какого мнения о себе
прославленный Казбек?
Высокомерен ли Эльбрус?
Судить я не берусь.
Когда они туманы пьют
из звездного ковша,
вдруг прозревая, жизнь свою
читают не спеша.
Холодной вечности сродни
стоят, и суть проста:
такими не были б они
без горного хребта,
когда бы их не поднял он
под купол голубой,
раздвинув смутный горизонт,
не подпирал собой.

Понять ли самому хребту,
как в мысль ни погружён,
вершин (своих же) высоту,
где воздух разрежён,
где холоду искриться днем,
где ночью спать звезде,
что судят на Земле о нем
по этой высоте.

25 февраля 1969

ЭПИТАФИЯ

(как она мыслится)

Материя.
Ей быть пришлось мной,
ей быть пришлось и мыслями моими,
но час настал — окончен путь земной,
и мрамора мое коснулось имя.
Чистейший пламень атомы мои
опять разрознил и вернул по праву
колосьям, воздуху, росистым травам,
садам, где оглушали соловьи.
Небытие. Где в нем страницы книг?!
Уж мне не прикасаться к ним перстами.
Я к черной чаше вечности приник
бесплотными, но жадными устами...
Кричать хочу: из чаши жизни пей!
Напиток в ней и сладок и не сладок.
В нем ощутишь и аромат степей
и ледников небесную прохладу.
В нем ощутишь и терпкость женских губ,
и слез, что тайно льют, солоноватость,
я не допил его
и не смогу
допить...
Хватился поздновато.

1969

СНОВА О ДРУЖБЕ

Снова о дружбе. С высот седины
глянешь порою другими глазами
и перестанешь иных
с горькой досадой считать друзьями.

Столько прожив, ни в речах, ни в строке
я не заискивал ни перед кем.
Если же что-то где-то
и говорил, то это
было согласно с моим партбилетом,
с сердцем моим согласно
и незаглазно.

Крови, что бьется в моих словах,
старческая не коснулась ржавость,
и суверенна еще голова,
мыслей моих держава.

Может, решили: дома не то,
попрано что-то. Ну что же, что же,
если так думают, их пальто
я не увижу в своей прихожей.

Горько, но солнце не затемнят
этим они и с лимонную дольку:
в мире осталось друзей у меня —
им бы иметь их столько.

19 марта 1969

СОДЕРЖАНИЕ

1. Из дневника

День осенний	3
День зимний	7
День весенний	11
День летний	14

2. Из книги «Слушаю время»

О Родине думаю	20
Первые капли	20
Сны	21
Гимн пшенице	22
Расти скорее, детвора!	22
Ржет жеребенок	23
В бору	24
Рыжая	24
Женщины и цветы	25
О тебе	25
Сердитые строчки	26
Обращение к времени	27
Застолье	28
Высота	29
Эпитафия	30
Снова о дружбе	31

Степан Петрович Щипачев

ДОБРЫЙ ДЕНЬ!

Редактор — П. А. КРАВЧЕНКО.

Технический редактор — Я. М. Борисов.

Сдано в набор 27/XI 1970 г. А 00507. Подписано к печати 26/I 1971 г.
Формат бум. 70×108¹/₃₂. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,62 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 247. Заказ № 3400.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ГОССТРАХ ЗАКЛЮЧАЕТ С РОДИТЕЛЯМИ И ДРУГИМИ РОДСТВЕННИКАМИ ДОГОВОРЫ СТРАХОВАНИЯ ДЕТЕЙ НА СТРАХОВЫЕ СУММЫ 300, 500 ИЛИ 1000 РУБЛЕЙ.

● Страховая сумма, указанная в договоре, будет выплачена застрахованным юноше или девушке по достижении ими 18 лет и явится приятным сюрпризом к совершеннолетию.

● Договор страхования ребенка может быть заключен с момента его рождения и до 15 лет 6 месяцев.

● Месячные взносы невелики и доступны каждой семье. Например, при оформлении договора страхования ребенка в возрасте 7 лет на сумму 300 рублей взнос составит 2 руб. 27 коп. в месяц, а всего за весь срок страхования будет уплачено 299 рублей 64 копейки. При единовременной уплате взноса сразу за весь срок предоставляется льгота: нужно уплатить 248 руб. 70 коп. Можно также уплачивать взносы в более короткий период по сравнению со сроком действия договора.

● Если ребенку не более 8 лет, страхователю предоставляется право заключить договор страхования на сокращенный срок — 10 лет.

Рекомендуем папам, мамам, бабушкам, дедушкам и другим родственникам детей заключить договор страхования. Юноши и девушки по достоинству оценят эту заботу.

ГОССТРАХ РСФСР

